

страдальческий *путь человека*, через *свободу*. Религия Достоевского по типу своему противоположна авторитарно-трансцендентному типу религиозности. Это — самая свободная религия, какую видел мир, дышащая пафосом свободы»³⁰.

³⁰ См. Н. А. Бердяев. Мирозерцание Достоевского. — Н. А. Бердяев. Собр. соч: В 5 т. Т. 5. Paris, «YMCA-Press», 1997. С. 226.

В переписке Достоевского с Фонвизиной мы и видим как раз **живое, свободное чувство**, обратившееся в **животворную силу**.

Трудно представить поэтому более нелепую, более фальшивую ситуацию, если бы тридцатитрехлетний Достоевский сообщил пламенно религиозной пятидесятилетней женщине, которая находится в тяжелом несчастье вот уже четверть века, которая оплакивает потерю всех своих детей, которая вернулась из изгнания, как в пустыню, которая относилась к нему, каторжнику, все четыре года его каторги, как гений сострадания, если бы он сообщил ей, вместо слов утешения (в чем теперь нуждается уже она), и в ответ на ее исповедальное письмо — отчет о догматическом содержании своей веры и о ее полном соответствии катехизису. «Я целомудрие имею...» (10; 202) — говорят в таких случаях герои Достоевского.

В ПИСЬМЕ ДОСТОЕВСКОГО К ФОНВИЗИНОЙ присутствуют два сознательно противопоставленных временных пласта:

- **минуты** возвращения после изгнания, когда нахлынут воспоминания и вернется все прошедшее горе;
- **минуты**, когда узник, как «трава иссохшая», жаждет веры и находит ее;
- **минуты**, которые Бог посылает иногда узнику, и тогда тот совершенно спокоен;
- **минуты**, когда узник любит сам и находит, что другими любим;
- **минуты**, когда он сложил в себе символ веры, в котором всё для него ясно и свято.

Пятикратно Достоевский говорит об особых **минутах** своего бытия, противостоящих всей остальной его жизни, в которой он — дитя **века**, дитя **неверия** и **сомнения до сих пор** и даже до **гробовой крышки**. В символе веры — вся панорама отпущенного писателю времени: прошедшее (**до сих пор**), настоящее (время письма) и будущее (даже до **гробовой крышки**). О временах и сроках своих религиозных мучений Достоевский скажет и позже, спустя шестнадцать лет, разрабатывая в 1870 году план романа «Житие великого грешника». «Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно **всю мою жизнь**, — существование Божие» (29-I; 117).

Итак, на одной чаше весов — **век, целая жизнь** вплоть до самого конца (наполненные сомнениями и неверием), на другой — **минуты веры** или **жажды веры**. Но даже и минуты эти даются тяжким трудом души. «Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в